

Фрагмент из романа

Richard von Schirach
***Die Nacht der Physiker. Heisenberg, Hahn,
Weizsäcker und die deutsche Bombe***

Berenberg Verlag, Berlin 2013
ISBN 978-3-937384-54-2
С. 11-28

Рихард фон Ширах
Ночь физиков.
Гейзенберг, Ган, Вайцзеккер и немецкая бомба

Перевели с немецкого участники семинара молодых переводчиков под руководством Марины Кореновой (Немецкий культурный центр им. Гете, Санкт-Петербург):

Анна Баренкова
Альбина Бояркина
Наталья Веселова
Евгения Гаврилова
Ия Константинова
Вероника Кричевская
Наталья Прохорова
Юлия Самуленок
Виталий Серов
Елена Смолоногина
Полина Черниговская

Пролог

ЧАРОДЕЙ И ЕГО УЧЕНИК

Все начиналось как в сказке: в четырнадцать лет Карл Фридрих фон Вайцзеккер открыл для себя мир физики, а уже в двадцать участвовал в передовых ядерных исследованиях. В 1939 году, когда началась война, двадцатисемилетний ученый был среди тех, кто впервые предложил использовать атомную энергию в военных целях. С Вернером Гейзенбергом Вайцзеккер познакомился в декабре 1926 года, когда он сам в глазах окружающих был несносным мальчишкой, критикующим все и вся. «Ужасно трудным ребенком» назовет его Элизабет Гейзенберг. «Все казалось ему отвратительным, - вспоминает она, - и все люди казались ему тоже отвратительными. Он был совершенно несчастным, и даже мать не знала, что с ним делать». В Копенгагене, где его отец, Эрнст фон Вайцзеккер, служил советником в германском посольстве, на одном из музыкальных вечеров мать мальчика познакомилась с немецким физиком, который превосходно играл на фортепиано, и рассказала об этом сыну: «Кажется, его зовут Гейзенберг, и работает он с известным датским физиком по фамилии Бор, если я правильно запомнила». Родители выписывали Карлу Фридриху научно-популярный журнал, и потому сын мгновенно отреагировал: «Я слышал о нем, обязательно пригласи его к нам!».

Вернер Гейзенберг, который в 1927 году получил кафедру в Лейпцигском университете, в свои двадцать пять лет уже считался почти знаменитостью. При первой же возможности Вайцзеккеры пригласили его на ужин, который был устроен 3 февраля 1927 года. Гейзенберга усадили рядом с юным Карлом Фридрихом, и они проговорили весь вечер. Ученый рассказал об удивительном новом направлении – квантовой физике. За последние годы в физике были сделаны революционные открытия и получены такие результаты, которые озадачили самого Эйнштейна. В 1925 году Гейзенберг

представил окончательный вариант основных положений квантовой механики, которые он сформулировал в двадцать три года на острове Гельголанд, в 1927 – опубликовал работу «Принцип неопределенностей», а уже пять лет спустя, в возрасте тридцати одного года, был удостоен Нобелевской премии. Развитие квантовой физики перевернуло представление человека о мире, и отныне вопрос заключался не в том, насколько «вероятна» та или иная новая теория, а в том, достаточно ли она «невероятна».

Это событие стало для Вайцзеккера, по его собственному признанию, «самым прекрасным днем» его жизни. Диалог с Гейзенбергом, начавшийся в тот вечер, уже никогда не прерывался. Семнадцатилетним гимназистом Вайцзеккер посещал лекции ученого в Лейпциге. Гейзенберг, в свою очередь, возобновил знакомство с родителями Карла Фридриха. В Берлине он часто проводил время в кругу семьи Вайцзеккеров, у которых было четверо детей: старший – Карл Фридрих, за ним брат Генрих, погибший в первые дни Польской кампании, и сестра Адельгейд. Самый младший, Рихард, родился в 1920 году. Гейзенберг, тогда еще худощавый и светловолосый, любил музицировать с хозяйкой дома Марианной фон Вайцзеккер. Они играли на двух роялях и, бывало, засиживались до позднего вечера, так что Гейзенберг едва успевал на ночной поезд, чтобы к утру вернуться в Лейпциг. Гейзенберг стал наставником юного Карла Фридриха и помогал ему советами, когда пришло время определиться с дальнейшей учебой. Тот колебался между философией и физикой. Именно тогда Гейзенберг сказал ему мудрые слова: «Хочешь понять физику – разрабатывай ее сам. Хочешь ее разрабатывать – начинай с молодых лет. Лучше всего заниматься ею до тридцати. А вот настоящим философом ты можешь стать только после пятидесяти, почитай у Платона. Так что у тебя еще много времени!» Гейзенберг говорил: «Вообще, философия – дело мудреное, а вот физика, – это честное ремесло, и заниматься ею нужно, пока ты молод». В любом случае, считал он, «прежде чем углубляться в философию, нужно

изучить самое значительное с философской точки зрения достижение нашего века. На сегодняшний день это теоретическая физика. А ее можно понять, только если сам ее разрабатываешь. Значит, начинать нужно с нее». Необычайно талантливый студент последовал этому совету и первые три года не позволял себе отвлекаться на философию. Он изучает исключительно физику, математику и астрономию, и, как оказалось, очень вовремя. «Атомные ядра „созрели“, как раз когда я был молодым», - вспоминал Карл Фридрих.

Ему только-только исполнилось двадцать, когда он, на следующий день после дня рождения, завершил обучение в университете, защитив диссертацию у своего наставника в Лейпциге. За несколько месяцев до того, в феврале 1932 года, Джеймс Чедвик, исследователь из Кембриджа, открыл нейтрон. Эрнест Резерфорд, лауреат Нобелевской премии по химии 1908 года, еще в начале 1920-х годов высказал предположение о существовании частиц, которые препятствуют взаимному отталкиванию протонов в ядре атома, и назвал эти частицы нейтронами. Чедвику понадобилось одиннадцать лет упорной работы, чтобы доказать их существование. Это открывало перед физиками совершенно новые горизонты. Прежние «планетарные» модели атомов, которые исходили из того, что электроны вращаются вокруг ядра, как планеты вокруг солнца, в одночасье ушли в прошлое, хотя связанный с ними образ до сих пор используется в качестве эмблем различными исследовательскими центрами и энергетическими концернами. Только теперь появилась возможность построить модель атома, которая согласовывалась бы с постулатами квантовой механики. Еще до того, как Чедвик сделал свое открытие, Гейзенберг высказывал предположение, что ядро едва ли может состоять из одних протонов и электронов. Почему оно остается стабильным и не распадается на части? Лето 1932 года Гейзенберг проводит в обществе своего ученика в Броттероде, небольшом курортном городке в Тюрингском лесу, где он спасается от приступов сенной лихорадки. Там Карл Фридрих приходит к мысли, что ядро

должно состоять из протонов и нейтронов, и если это утверждение верно, то из него можно вывести убедительную теорию строения атома. Стоило Вайцзеккеру высказать эту идею, как Гейзенберг тут же продолжил: «Если нейтроны существуют, то вместе с протонами они составляют два типа элементарных частиц, которые обладают примерно одинаковой массой и образуют ядро атома». Такое ядро может быть стабильным. Гейзенберг изложил свои соображения по этому поводу в специальной статье, и тем самым подошел к ядерной физике. Эта область науки практически ежедневно удивляла всех новыми открытиями, поэтому Вайцзеккер, которому его собственная диссертация по проблемам ферромагнетизма казалась скучной, решил заняться гораздо более увлекательной атомной физикой. Осенью 1933 года он прошел обучение у Нильса Бора в Копенгагене, затем вернулся к Гейзенбергу и в 1934 году стал его ассистентом. С тех пор он занимался преимущественно ядерной физикой. Его первая научная работа в этой области «Определение местонахождения электрона» была посвящена практическому применению квантовой теории. В 1936 году Отто Хан пригласил Карла Фридриха на полгода к себе в Институт химии имени кайзера Вильгельма в Берлине на место ассистента, предоставив ему свободу „главного“ теоретика.

В 1937 году вышла книга Вайцзеккера об атомных ядрах. Периоды с 1927 по 1929 и с 1932 по 1933 год стали для ученого самым плодотворным. Вскоре Карлу Фридриху было суждено присутствовать при событии мирового масштаба, которое определило всю его дальнейшую жизнь.

После конца

Гайгерлох – Урфельд

В начале 1945 года Физический институт имени кайзера Вильгельма, возглавляемый Вернером Гейзенбергом, был эвакуирован из Далема

(Берлин) в Гехинген и Гайгерлох. В это же время Институт химии Отто Гана переехал в соседний Тайльфинген. Здесь, незадолго до конца войны, ведущие немецкие физики пытались создать первый атомный реактор.

Наступил апрель 1945 года, и с каждым днем таяли последние, отчаянные надежды. Результаты ежедневных измерений на опытном объекте «Berlin VIII» говорили о том, что в урановом реакторе, спрятанном в Гайгерлохе, в гроте, где еще недавно хранились запасы пива и картофеля местного ресторана «Шваненвирт», вот-вот пройдет цепная реакция. Но скоро стало ясно: игра проиграна.

Рев французских бронетранспортеров уже был слышен в долине реки Айах, когда физики начали спешно уничтожать все следы секретного проекта. Гейзенберг распорядился закопать на свежевспаханном поле кубики урана, подвешенные на цепях в резервуаре с тяжелой водой, а также прессованные окислы урана, с большим трудом недавно полученные из Штадтильма в Тюрингии; тяжелую воду перелили в баки и оставили на заброшенной текстильной фабрике. Ученый надеялся, что после завершения войны его материалы послужат хорошим «заделом» для будущих исследований. Когда все было надежно спрятано, Гейзенберг поручил своему бывшему ученику и другу Карлу Вирцу присматривать за «пещерой» и отправился, как обычно, на велосипеде обратно в Гехинген.

Два дня спустя, после отъезда Гейзенберга, Вайцзеккер и Вирц сложили всю документацию института в металлическую канистру, запаяли ее и опустили в выгребную яму за домом Вайцзеккера – таков был бесславный конец передовых немецких исследований мирового значения.

Теперь физикам, эвакуированным в Гехинген и его окрестности, больше ничего не оставалось, как сидеть и ждать неминуемого конца. А Гейзенберг смог, наконец, выбраться к семье в Урфельд, горную

баварскую деревушку на озере Вальхензее, где проживало всего человек двадцать-тридцать.

«Мы хотели, по возможности, оградить детей от ужасов бомбежек», – так Гейзенберг объяснил переезд семьи из Лейпцига на Вальхензее. Жена ученого, мать пятерых детей, не слишком обрадовалась такому решению мужа. Все остальные сотрудники Института с семьями жили в Гехингене и помогали друг другу, она же оказалась тут, в Урфельде, без всякой поддержки, среди крестьян, к суровому нраву которых она никак не могла привыкнуть. Казалось, все вокруг было против нее: «Земля была каменистой, на ней ничего не росло, а если что и выросло, то все съедали косули. К тому же, местные относились к нам, приезжим, с большим недоверием и никогда ничем не делились. Мы столкнулись с серьезными трудностями и отчаянно боролись с голодом и болезнями».

[Фотография: Дом Гейзенбергов в Урфельде]

В апреле 1939 Гейзенберг и его жена, беременная третьим ребенком, переехали в курортный городок Баденвейлер. Они решили укрыться в сельской местности. Кто-то из друзей сообщил им, что в Урфельде за 26 000 марок продается просторный деревянный дом с видом на озеро Вальхензее. Речь шла о бывшем «доме Петерманна», ранее принадлежавшем художнику Ловису Коринту. Гейзенберг, хорошо знавший эти места по велосипедным прогулкам, летом 1939 года купил дом.

Посылки с вареньем собственного изготовления, которые Гейзенберг отправлял в Урфельд, чаще всего либо не доходили вовсе, либо доходили спустя недели, раскисшие, изрядно побитые и распотрошенные. Но теперь от него требовалась настоящая помощь семье. 20 апреля 1945 года в половине четвертого утра он выехал на

велосипеде в направлении Вальхензее. В Гехингене ему удалось раздобыть пачку американских сигарет, а сигареты в то время могли спасти жизнь.

До Урфельда было около 270 километров. Опасаясь солдат-мародеров и воздушных обстрелов, он ехал в основном по ночам, днем же прятался в придорожных канавах, лежал, «вжавшись в землю». Всюду царил хаос. Гейзенберг видел множество голодных растерянных подростков лет четырнадцати-пятнадцати, которые устраивались на обочинах дорог и не знали, куда им податься; видел многоязычные толпы солдат всевозможных национальностей, которые двигались к каким-то неведомым целям; ему попадались несчастные люди в лохмотьях - освобожденные из лагерей или от принудительных работ, говорящие на разных языках, они теперь скитались по стране и промышляли грабежом.

Опасности подстерегали на каждом шагу, лучше всего было держаться от всех подальше и прятаться. На одном из контрольных пунктов возникла крайне опасная ситуация. Молодой солдат вызвал Гейзенберга из толпы и потребовал предъявить документы. Момент был критический, ведь любого солдата или офицера, покинувшего расположение части без приказа, просто чтобы спастись, военно-полевой суд мог тут же приговорить к смертной казни или отправить на фронт.

Все документы – и увольнительную, и маршевое удостоверение - Гейзенберг выписал себе сам. Но выдержат ли они тщательную проверку? Когда солдат уже готов был направиться в палатку, чтобы показать начальнику подозрительные документы, Гейзенберг пошел ва-банк.

Сигареты ценились на вес золота. Гейзенберг спросил, не хочет ли солдат покурить. Тот кивнул, Гейзенберг вытащил из кармана заветную пачку «Пэлл Мэлл» и сунул ее солдату. Они переглянулись,

и Гейзенберга пропустили. Гейзенберг был убежден, что лишился бы жизни, попадись ему некурящий.

Когда он приехал в окружной центр Вейльгейм, там все полыхало. Поезда не ходили. Гейзенберг проспал на вокзале несколько часов, привалившись к велосипеду. Потом вдруг пустили товарный состав, на котором Гейзенбергу удалось проехать некоторое расстояние.

Дальше он снова передвигался на велосипеде. В Урфельд он прибыл через три дня, «грязный, до смерти уставший и счастливый» - таким его запомнила Элизабет, когда увидела, как он из последних сил поднимается в гору.

Шесть лет назад Гейзенберг уехал из Урфельда в Берлин воодушевленный невиданными возможностями, которые открывало использование энергии расщепления атомного ядра в военных целях. Четыре года назад, когда Рейх находился на пике могущества, ученый верил, что для строительства атомных реакторов и создания ядерного оружия больше не существует преград. Он писал: «Перед нами были открыты все пути». И вот теперь он возвращался домой, заметно постаревший, словно обманувшийся во всех своих надеждах фронтовик. Развеяны дерзкие мечты, игра окончена.

В Урфельде ценились уже не нейтроны, а дрова и продукты. Теперь Гейзенбергу приходилось регулярно отправляться в соседний Захенбах, чтобы добыть молоко для детей. Однажды по пути туда, когда он шел привычной дорогой по берегу Вальхензее, он встретил знаменитого путешественника и писателя, национал-социалиста Колина Росса с женой, которые жили поблизости в крытом дранкой деревянном доме с видом на озеро. Они давно не виделись, и Гейзенберг предложил возобновить знакомство и встречаться почаще. Только позднее он вспомнит, каким немногословным и замкнутым показался ему тогда объехавший весь мир Колин Росс.

Чтобы выжить, нужно было все время охотиться за продуктами или простаивать часами в очередях, в надежде раздобыть хоть что-нибудь еще. Поскольку в маленьком Урфельде купить часто было нечего, все ходили в Кохель. Именно там Гейзенберг однажды узнал, что на вокзале стоит без всякой охраны поезд, набитый людьми в арестантских робах, это было 29 апреля 1945 года. Когда Гейзенберг после бесконечного ожидания и утомительной дороги через Кессельберг вернулся в Урфельд со скудной добычей – на этот раз только мясник Пфлегер расщедрился на кусочек мяса – дочь Эрнста Бракенгофера, хозяйина постоянного двора «У почты», рассказала ему, что прошлой ночью Колин Росс и его жена покончили с собой.

Гейзенберг отправился к ним домой, чтобы отдать последний долг Россу и его жене, заглянул в мертвые лица лежащих на полу супругов, укрытых африканским дорожным пледом. В своих записях, в которых он стенографически точно описывает заключительные дни войны на Вальхензее, Гейзенберг отмечает, что в последний раз поднял руку в нацистском приветствии, когда вошел в ту комнату. 1 мая Гейзенберги узнали о смерти Гитлера, и все «с облегчением вздохнули», как вспоминала Элизабет. Значит, война скоро закончится.

«Мы достали из подвала последнюю бутылку, которую берегли для крестин нашей дочери, и, обливаясь слезами, пили вино с чувством облегчения и освобождения. Никто даже не думал ложиться спать, надежда вновь освещала наше будущее».

Но пока война все еще продолжалась. Однажды по дороге в Захенбах Гейзенберг встретил отряд молодых эсэсовцев, которые ничего не знали о самоубийстве Гитлера. Когда он сообщил им, что Гитлер назначил Деница своим преемником, оказалось, что мало кому из них было знакомо это имя. До ареста Гейзенбергу оставалась всего неделя. 30 апреля полковник Борис Паш, военный руководитель миссии «Алсос», покинул базу в Гейдельберге. Ему предстояло разыскать в Мюнхене физиков Герлаха и Дибнера, а в Урфельде -

арестовать Гейзенберга, которого американцы называли «Number One».

Операция с арестом затянулась. В последний момент взорванные мосты затруднили продвижение отряда вперед. Малочисленному авангарду требовалось подкрепление. В окрестностях Кохеля находились еще тысячи немецких солдат под ружьем. Наконец, 2 мая колонна бронетехники, танков и джипов выступила в Урфельд.

Элизабет Гейзенберг поначалу испугалась при виде полковника Паша, но взяла себя в руки, когда заметила, что дом окружили американские солдаты. «Number One» отсутствовал, он спустился в деревню навестить мать. Паш приказал жене Гейзенберга позвонить и вызвать мужа домой, не объясняя ему причин такой срочности.

Но все и так было понятно: машины на деревенской улице говорили сами за себя. Паш начал свой первый многочасовой допрос. Ощущение, которое Гейзенберг испытал при аресте, он позднее сравнивал с тем, что «чувствует изможденный пловец, когда делает первый шаг по твердой земле».

Во время допроса внезапно раздались выстрелы. «Когда мы вдвоем расположились в креслах, снаружи началась отчаянная стрельба, - вспоминал впоследствии Гейзенберг. - Полковник Паш бросился на террасу с автоматом наготове. Я сам, слишком взволнованный событием, которого долгие годы ожидал со страхом и надеждой, совершенно спокойно отнесся к этой мелкой стычке, которая несколько не испортила моего настроения. Всех прочих обитателей дома, в первую очередь детей, поспешили отправить в подвал. После десятиминутной перестрелки ... все успокоилось. Майор доложил полковнику, что один эсэсовец убит, двое ранены и взяты в плен, остальные разбежались».

В последние часы войны погиб молодой солдат, в этот день шел снег. Еще одну ночь Гейзенбергу позволили провести в Урфельде. Когда на

следующее утро он сел в джип, чтобы в сопровождении внушительного эскорта отправиться в Гейдельберг, погода резко изменилась. На ярко-голубом небе сияло весеннее солнце, и заснеженная долина купалась в ярком искрящемся свете. «Я спросил одного из моих американских охранников, который воевал в разных частях света, - продолжает вспоминать Гейзенберг, - нравится ли ему наше горное озеро, и тот ответил, что это самый прекрасный уголок земли, в котором ему довелось побывать». Колонна направлялась в Гейдельберг, где американские эксперты готовились к обстоятельному допросу.

Допрос в Гейдельберге

Американцам многое было известно - больше, чем могли предположить немцы - но и они торопились, потому что не могли допустить того, чтобы даже незначительная часть самой опасной технологии в мире попала в руки Советов или французов.

Миссия «Алсос» и агенты УСС (Управления стратегических служб, предшественника ЦРУ) старались следить за каждым шагом Гейзенберга. Они даже рассматривали возможность его похищения, когда Гейзенберг в 1944 году выступал с докладом в Высшей технической школе Цюриха. От такой операции на территории нейтральной Швейцарии пришлось всё же отказаться. Правда, симпатичный молодой человек, задававший Гейзенбергу умные вопросы после открытой лекции, в действительности был опытным агентом, у которого в кармане лежал заряженный пистолет. Агент Моррис Берг предложил ни о чём не подозревавшему Гейзенбергу проводить его до почты и там сумел разглядеть, что открытка, которую собирался отправить Гейзенберг, адресована физику Георгу Венцелю в Гехинген. Американцам стало ясно, что именно там, в резиденции

Гогенцоллернов в Швабских горах, будут написаны последние страницы немецкого уранового проекта.

УСС и «Алсос» гораздо лучше, чем германский генеральный штаб, изучили образ мыслей Гейзенберга, его жизненные принципы и характер. Особенно внимательно к этому отнёсся человек, которому предстояло допросить его в Гейдельберге — голландец Самуэль Абрахам Гаудсмит, известный физик-ядерщик, научный руководитель миссии «Алсос». В Гехингене, в бывшем кабинете Гейзенберга, американцы обнаружили памятную фотографию, на которой немецкий ученый был запечатлён с Гаудсмитом. Снимок был сделан, вероятно, в июле 1939-го в Энн-Арборе в Мичигане, перед прощальным ужином, в котором участвовали также Энрико Ферми и другие физики. В тот вечер Гаудсмит с нескрываемым скепсисом слушал объяснения Гейзенберга, почему он не может, да и не хочет покинуть Германию.

«Я нужен Германии», - сказал тогда Гейзенберг, и Гаудсмит запомнил эти слова. Несколько месяцев подряд он усиленно размышлял о предстоящем допросе Гейзенберга и хорошо подготовился к тому моменту, когда пленного введут к нему в кабинет. Он пребывал в состоянии крайнего эмоционального напряжения. Гейзенберг, напротив, был совершенно не готов к этой встрече. Когда его ввели к Гаудсмиту и они оказались лицом к лицу, Гейзенберг даже не сразу осознал, что этот важный офицер в американской форме – его старый знакомый. Гейзенберг сделал вид, что не заметил сдержанности Гаудсмита и протянул ему руку. Он надеялся восстановить с «коллегой Гаудсмитом» прежние отношения, но голландец отвернулся.

Целью допроса было не только выяснить, насколько немцы продвинулись в ядерных разработках. За этим стояли и личные счёты. Гейзенберг не догадывался, что довелось пережить в эти дни Гаудсмиту. После восьми месяцев полной неизвестности, за несколько часов до этой встречи он узнал о том, что его родителей убили в Освенциме. Гаудсмита мучило чувство вины — почему он не спас их.

Последней весточкой от родителей было письмо, которое он получил в марте 1943-го, уже из концлагеря. И всё же он не терял надежды на то, что они ещё увидятся. В начале 1943 года голландский физик Дирк Костер, который помог устроить побег Лизы Мейтнер, коллеги Отто Гана, обратился к Гейзенбергу с просьбой похлопотать за родителей Гаудсмита. Два месяца спустя Гейзенберг написал короткое письмо в немецкую комендатуру в Брюсселе, в котором сообщил, что родители Гаудсмита в своё время прекрасно принимали его в Голландии и что он готов за них поручиться. Неизвестно, повлияло бы это прошение на их судьбу или нет, в любом случае оно опоздало – родители Гаудсмита были уже убиты.

В отношениях давних коллег чувствовалась напряжённость: с одной стороны - гений, который оказался в лагере проигравших и к тому же потерпел фиаско с атомной бомбой, с другой — рядовой физик, который теперь вёл допрос в качестве следователя и обвинителя. Потребовалось немало времени, прежде чем обстановка разрядилась и появилось взаимопонимание. В ходе допроса Гаудсмит спросил Гейзенберга: «Не хотели бы вы поехать в Америку поработать с нами?» Многим немецким физикам, будущее которых было весьма туманным, такое предложение показалось бы заманчивым. Но Гейзенберг ответил отказом. «Нет, я не собираюсь уезжать, я нужен Германии».

«Я нужен Германии!» - не те ли самые слова Гейзенберг произнес в Энн-Арборе, возвращаясь на родину перед самой войной? Задавая свой вопрос, Гаудсмит лукавил, потому что в услугах Гейзенберга Америка не очень-то нуждалась. Американцы давно всё сделали сами, а немцам не хватило сил для финишного рывка. Да и вообще неизвестно, насколько они были в состоянии разгадать последний секрет атомной бомбы - об этом до сих пор ведутся ожесточенные споры.

Такие вопросы были частью игры в кошки-мышки, и все нити этой игры Гаудсмит держал в своих руках. Он знал, что в любой момент может пустить в ход совершенно убийственный козырь, который приберегал напоследок. Одной-единственной фразой он мог бы сбить спесь с Гейзенберга, который до сих пор верил, что и сам он, и немецкая наука находятся в авангарде мировых исследований. Но Гаудсмит не торопился. Он получал удовольствие от того, что водил за нос ничего не подозревавшего человека. Когда Гейзенберга подробнейшим образом допросили о немецких исследованиях в рамках уранового проекта, тот в свою очередь спросил бывшего коллегу, далеко ли продвинулись американцы в создании атомной бомбы. Гаудсмит уклончиво ответил, что Америка ставит перед собой другие, более практические цели - например, создание радара. Гейзенберг попался на эту уловку, а уже через несколько месяцев ему пришлось выслушивать в свой адрес унижительные насмешки по этому поводу. Гаудсмит же оказался среди тех, кто с чувством глубокого удовлетворения следил за бомбардировкой Хиросимы и упивался мыслью о том, что Гейзенберг по-прежнему считает сообщения об атомных бомбах обычной «пропагандистской выдумкой».

Десять физиков блуждают по Европе

Утром 1 мая 1945 года перед одной из вилл у Тропы Философов в Гейдельберге остановился автобус, в который сели шесть человек. Бросалось в глаза, что все они были в гражданском и выглядели опрятно — картина для военного времени необычная. Судя по всему, эти господа разного возраста отправлялись в длительную поездку: прошло немало времени, прежде чем все сумки, папки, чемоданы и пальто погрузили в автобус. Можно было подумать, что группа любителей искусства отправляется на экскурсию — например, по кельтским захоронениям. Вот только темнокожие охранники в

© 2014 Litrix.de

американской форме, окружившие виллу и парк, военные машины цвета хаки, в которых полным-полно американских солдат с автоматами наизготовку — всё это плохо вязалось с такой экскурсией. На самом деле этим шести немцам, которых сопровождали два офицера британских спецслужб, предстояло путешествие через всю Западную Европу, причём никто из участников путешествия не знал, где оно закончится и сколько продлится.

[Фотография: Супруги Гейзенберги с Нильсом Бором. 1937.]

В 1937 году 35-летний профессор из Лейпцига познакомился на музыкальном вечере с Элизабет Шумахер. Ей было двадцать два года, она только-только начала заниматься книготорговлей. Через десять дней состоялась помолвка, через три месяца — свадьба, а через год на свет появились близнецы Вольфганг и Анна-Мария. На фотографии — супруги Гейзенберги с Нильсом Бором в Фредериксборге (Дания) в 1937 году. Гейзенберг некоторое время работал у Нильса Бора после того, как оставил место ассистента Макса Борна.